

Ху Ин полуживым лежал в больнице, и, несмотря на приближение праздника Весны, интерес к новостям не спадал.

Когда Минг Шу прибыл в больницу, повсюду всё ещё толпились фанаты и журналисты, которые вели настоящую партизанскую войну с полицейскими: как только появлялась возможность, они пытались прорваться в палату.

Несколько дней назад Ху Ин узнал о смерти Ху Яо. На удивление, он отреагировал на это очень спокойно. Лишь спустя долгое время он молча заплакал, не проронив ни слова. С тех пор Ху Ин почти не разговаривал — не отвечал ни врачам, ни следователям. Будто душа покинула его тело, а сам он превратился в пустую оболочку, которая безнадежно ждёт смерти.

Минг Шу стоял у кровати, глядя на Ху Ина сверху вниз.

У того были открыты глаза, но в них не было ни малейшего движения, ни проблеска света.

Минг Шу пододвинул стул и сел:

— Я знаю, ты сейчас в полном сознании.

Ху Ин никак не отреагировал.

Минг Шу продолжил:

— Только человек в здравом уме может испытывать такую боль, только он изо всех сил старается закрыться от всего мира.

Ресницы Ху Ина едва заметно дрогнули, уголок губ чуть заметно задрожал.

— Эксперты уже дали заключение. У тебя тяжёлое психическое расстройство. Всё, что ты тогда говорил в допросной, скорее всего, было бредом, — Минг Шу вздохнул. — Это не засчитывается.

Ху Ин моргнул, и в его застывшем взгляде, наконец, что-то дрогнуло.

Минг Шу спросил:

— О чём ты сейчас думаешь?

Ху Ин не ответил — только медленно закрыл глаза.

— Скучаешь по Ху Яо? — спросил Минг Шу. — Злишься на родителей за то, что не спасли Ху Яо? Злишься на себя, что не смог до конца её защитить?

Он ненадолго замолчал, а затем продолжил:

— Или думаешь, что вся жизнь — как сон, состоящий из одной ошибки за другой? Что, если бы не Ху Яо, ты бы вообще не пошёл в шоу-бизнес, и тогда всего этого бы не было?

Руки Ху Ина лежали поверх одеяла.

Минг Шу отчётливо заметил, как у него дёрнулся палец — сначала сжался, потом снова разжался.

Ху Ин боролся с собой.

Минг Шу перевёл взгляд на его лицо:

— Всё равно болезнь Ху Яо нельзя было вылечить. Даже врачи говорили, что она, возможно, не доживёт до десяти. Что бы ты ни делал, сколько бы денег ни заработал — ты не смог бы её спасти. Она с самого начала была обречена уйти от тебя.

Ху Ин покачал головой, в уголках глаз уже выступили слёзы.

Минг Шу продолжил:

— Подумай, люди ведь действительно глупы. Готовы отдать всю свою жизнь за кого-то другого. Шэн Чжи был таким. Ты тоже. И если бы не это, может, ты так и не стал бы знаменитым... но зато, по крайней мере, избежал бы трагедии.

По щеке Ху Ина скатилась одинокая слеза. Он крепко сжал губы, грудь тяжело вздымалась.

Минг Шу бросил взгляд на медицинское оборудование у кровати:

— Ху Ин, ты сожалеешь.

Слёзные глаза, наконец, открылись. Ху Ин замотал головой, его голос был хриплым и дрожащим:

— Я не сожалею. Я никогда не жалел, что пытался спасти Ху Яо!

— Вот ты и заговорил, — сказал Минг Шу.

Ху Ин застыл в замешательстве.

— Чтобы ты хоть немного со мной поговорил, пришлось пойти на хитрость, — сказал Минг Шу.
— Пусть эксперты уже вынесли заключение, и наше предварительное расследование по Хэ Яну ничего не дало, но если всё, что ты говорил, правда — я найду доказательства. Я доберусь до Хэ Яна и до всей группы, стоящей за ним. Все понесут наказание.

Ху Ин усмехнулся с горечью:

— Эксперты ведь уже сказали, что я сумасшедший.

С этими словами он сначала похлопал себя по груди, затем — по виску:

— И тут, и тут — всё сломано. Всё, что я говорю, — бред. Ни одному моему слову нельзя верить. Зачем ты так серьёзно всё воспринимаешь?

Минг Шу резко посуровел:

— Почему демоны могут безнаказанно бродить по миру? Почему невинные умирают, не найдя покоя? Потому что демоны — от природы благородны? Потому что для них обычные люди — просто букашки, которых легко раздавить?

Глаза Ху Ина распахнулись, зрачки сжались, из них снова потекли слёзы.

— Тебя это устраивает? — спросил Минг Шу. — Я понимаю, что ты сейчас опустошён. У тебя не осталось сил бороться. Но ты правда готов смириться?

Ху Ин замотал головой, голос дрожал:

— Хватит... Ты ничего не понимаешь...

— Не понимаю чего? — продолжил Минг Шу. — Страданий этих «букашек»? Или жестокости этого мира?

Ху Ин закрыл лицо побледневшими руками. Худое тело, казалось, вот-вот рухнет.

— Да, ты прав. Я не могу прочувствовать твою боль. В конце концов, мы разные люди, у нас разное прошлое, настоящее и будущее, — сказал Минг Шу. — Но я пришёл не затем, чтобы разделить с тобой отчаяние. Я не понимаю твоей безысходности. Но я знаю, в чём заключается

долг криминального следователя.

Ху Ин удивлённо поднял голову:

— Долг... следователя?

— Холодные цифры подтверждают, что у тебя психическое расстройство. Всё, что ты говорил, — не может быть принято в качестве доказательства, — сказал Минг Шу. — Но ты действительно просто бредил?

Ху Ин прошептал:

— Я...

— Во время допроса твои ответы сначала были одни, а потом резко изменились. Всё, что ты сказал позже, полностью перечеркнуло сказанное в начале. Я могу понять — ты боялся, что Ху Яо причинят вред, — голос Минг Шу стал жёстче, — но теперь Ху Яо больше нет. Единственное, что тебя держало, — исчезло.

Ху Ин сжал в кулаке край одеяла:

— Так что же ты хочешь, чтобы я сказал?..

— Посмотри мне в глаза и скажи: всё, что ты рассказал, — не бред, не ложь, а то, что вы с Шэн Чжи действительно пережили, — сказал Минг Шу.

Ху Ин внезапно горько рассмеялся:

— И что толку, если я скажу? Ты ведь сам сказал — слова сумасшедшего не могут быть доказательством.

Минг Шу повысил голос:

— Но я должен быть уверен, что ты не лжёшь!

Ху Ин замер:

— И... и что тогда? Вы арестуете Хэ Яна?

— Тогда мы сделаем всё возможное, чтобы исполнить долг следователя, — ответил Минг Шу.

— Вы... — Ху Ин с трудом выговорил: — Вы правда хотите мне помочь?..

— Ты не слышал, что я сказал? Тогда повторю, — твёрдо произнёс Минг Шу. — Почему демоны могут безнаказанно бродить по этому миру?

В палате повисло молчание, которое вскоре прорезал сдавленный плач. Спустя некоторое время Ху Ин вытер слёзы, уставился на Минг Шу и, собрав все силы, произнёс:

— Я не вру. Это не бред. Я клянусь, Хэ Ян заставил меня убить Шэн Чжи!

*

Приближались новогодние каникулы, но ни в городском управлении, ни в районных отделениях никому не дали выходных. Последнее время не случалось срочных тяжких преступлений, поэтому даже группа по особо тяжким делам была включена в график дежурств.

В канун Нового года все полицейские были приведены в полную боевую готовность.

Торговый центр M.E.S в северном районе города был полон людей, собравшихся, чтобы услышать бой курантов и посмотреть салют. Сотрудники спецназа с щитами и резиновыми дубинками поддерживали порядок.

На северо-восточном углу торгового центра стояли три патрульные машины — таких машин в округе M.E.S было не меньше двух десятков.

Минг Шу, неся два пакета с молочным чаем, бегом вернулся к машине:

— Берите сами, народу тьма, полчаса в очереди стоял, замёрз до костей.

В машине сидели только трое: И Фэй, Син Му и Чжоу Юань.

Канун Нового года — день особенный, даже таких сотрудников технической группы, как Син Му и Чжоу Юань, вытащили на дежурство. Но они, похоже, не особо переживали, особенно Сяо Мань.

Этот парень сейчас патрулировал с Фан Юаньханом и даже радовался, что дежурит в праздники — так не придётся слушать дома нотации про то, что пора жениться.

— Когда ты только вернулся летом, как раз расследовал дело, случившееся в M.E.S, — сказал И Фэй, глядя сквозь стекло на толпу. — Если бы не ты, неизвестно, сколько ещё детей погибло бы

от руки убийцы.

Минг Шу усмехнулся:

— Эй, хватит, не делай из меня героя.

Син Му, устроившись на заднем сиденье, успел урвать стакан с самой богатой начинкой. Он втянул глоток, поёжился и, пряча голову в воротник, сказал:

— Кто ж не знает, что ты туда зашёл просто одежду прикупить?

— Пф! — Чжоу Юань подавился молочным чаем, поспешно извинился: — Простите-простите! Надеюсь, я вас не забрызгал?

Минг Шу подал ему упаковку бумажных салфеток:

— Ничего страшного, сам вытрись.

Потом обернулся к заднему сиденью:

— Учитель Син, брат Син, нам с вами надо бы поговорить по душам. Вы почему всё время мне наперекор?

Син Му густо покраснел, стал ещё более смущённым:

— Ты же начальник, как я смею тебе перечить?

— А почему тогда ты меня всё время подкальываешь? — с улыбкой спросил Минг Шу. — И молочный чай мой отобрал?

Син Му взглянул на свой стакан:

— Это твой? Тогда держи, возвращаю.

Минг Шу отмахнулся:

— Фу, уже не хочу.

Син Му съёжился ещё больше и глубже ушёл в сиденье.

И Фэй засмеялся:

— Сяо Минг, ты постоянно издеваешься над учителем Сином, неудивительно, что он тебя боится.

— Наговор, — Минг Шу поднял руки, изображая сдающегося. — Я никогда не обижал учителя Сина. Это вы, наоборот — Сяо Минг туда, Сяо Минг сюда — зовёте без конца. Знаете, из-за вас даже ребята из соседнего Лочэна теперь тоже зовут меня Сяо Минг!

— Сяо Минг звучит так ласково, — сказал И Фэй. — Мы тебя любим, вот и зовём так.

— Отвали, — пнул его Минг Шу. — Кто просил тебя любить меня?

Было уже одиннадцать вечера. Ещё час — и пробьют куранты, начнётся салют.

Поболтав ещё немного, Чжоу Юань вдруг вздохнул:

— Не думал, что капитан Лян просто вот так уйдёт.

— В канун Нового года не говори "уйдёт", — заметил И Фэй. — Капитан Лян просто сменил сферу деятельности.

Взгляд Минг Шу потемнел.

Несколько месяцев назад Лян Чжао подал прошение о переводе из Управления уголовного розыска в районное отделение Бэйчэна, формально — для помощи в местной работе. Но на деле он практически не участвовал в серьёзных делах. Вопросами уголовных дел занимался в основном его заместитель Ли Чичэн. Даже когда в районе произошло два громких преступления против женщин, Лян Чжао не вышел на передовую.

Некоторые сослуживцы подозревали, что у Лян Чжао началась полоса неудач. Но никто не ожидал, что он подаст заявление на увольнение под самый Новый год.

Лян Чжао был полицейским среднего уровня: не особо выдающийся, без широкого кругозора. Он уступал и Сяо Юаню, и даже Минг Шу, если не считать опыта. Но ведь он всё же поднялся по службе из самой группы по тяжким преступлениям, и немало нынешних коллег когда-то начинали под его началом. Тогда все на него ворчали, а теперь, когда он снял форму, их недовольство сменилось на ностальгию.

Вот такая уж она — человеческая душа: запутанная и противоречивая.

— А что теперь будет делать капитан Лян, если больше не работает в полиции? — спросил Чжоу Юань.

— Кто ж знает, — ответил И Фэй. — Закончил оформление, сразу ушёл. Даже к нам в отдел больше не заглянул.

— Думаю, он правда вымотался, — Син Му высунул голову с заднего сиденья. — На его месте я, может, тоже бы уволился.

— Эй, учитель Син, тебе нельзя увольняться, — поспешил сказать И Фэй. — Если ты сбежишь, где мы с Сяо Мингом найдём такого хорошего судмедэксперта, как ты?

Син Му взглянул на Минг Шу.

И Фэй хлопнул Минг Шу по плечу:

— Правда ведь, Сяо Минг?

Минг Шу рассеянно кивнул:

— Угу.

Син Му слегка поджал губы.

— Учитель Син, ты точно не уйдёшь? — снова уточнил И Фэй.

— Конечно, не уйду, — уверенно ответил Син Му. Хоть он и побаивался начальства, но работу свою любил. Даже если бы Минг Шу хотел его прогнать — ещё не факт, что у него бы это получилось. — Я просто хотел сказать, что капитан Лян уже не молод, а по службе дальше двигаться сложно. Начальник Ли ушёл, и Лян теперь оказался в подвешенном положении. В такой ситуации, может, и правда лучше начать что-то новое, чем тянуть кота за хвост.

И Фэй подтолкнул Минг Шу локтем:

— Ты чего вдруг притих?

— А? — Минг Шу втянул в себя глоток пудинга через трубочку. — Да слушаю я вас.

— Капитан Лян перед уходом не пытался с тобой поговорить? — спросил И Фэй.

Минг Шу покачал головой:

— В те дни у меня завал был. Когда он пришёл оформляться, меня даже в управлении не было.

Бах!

Снаружи вдруг раздался громкий звук запуска салюта. Сквозь стекло он прозвучал так, будто выстрел.

— Ещё не время, — сказал Чжоу Юань, глянув на экран телефона. — Почему начали так рано?

— Наверное, пробный запуск, — Минг Шу бросил пустую упаковку из-под чая в пластиковый пакет и открыл дверцу машины. — Пойду гляну.

М.Е.S — это торговый центр открытого типа, огромный по площади. В нём есть крытый атриум и внешняя площадь, где ежегодно на Рождество, Новый год и Праздник весны устраиваются торжества. На другие праздники тут тоже часто проходят выступления.

Было уже половина двенадцатого. Люди под присмотром полиции и охраны организованно стекались на площадь — самое удобное место, чтобы наблюдать за салютом.

Минг Шу, как старший следователь, не обязан был лично патрулировать с дубинкой и щитом, но чем выше должность, тем больше ответственности. Он должен был находиться на выделенном участке и следить за порядком на всей территории.

На площади было так тесно, что его несколько раз толкнули, прежде чем он нашёл более уединённое местечко, где людей было не так много.

Звонить в этот момент было совершенно бесполезно, поэтому он отправил Сяо Юаню сообщение:

«Брат, ты где?»

Ответ пришёл быстро:

«Посмотри на два часа от себя.»

Минг Шу тут же поднял голову — Сяо Юань стоял на третьем этаже здания А, махал ему рукой.

— Ты чего там делаешь? — спросил Минг Шу. — Уже давно меня заметил?

— Тут спокойнее, да и обзор хороший. Я с того момента, как ты вышел из машины, тебя увидел,
— ответил Сяо Юань.

Настоящий снайпер из команды специального назначения — зрение острое, как у орла. Кажется, ничто на площади не ускользало от его внимания. С этой мыслью Минг Шу поспешил к корпусу А.

В М.Е.С было два оперативных центра полиции: один с западной стороны площади, второй — как раз там, где сейчас находился Сяо Юань.

Конечно, в оперативном центре был не только он один, но появление Минг Шу не выглядело неожиданным.

Они оба были в экипировке спецназа. Подойдя, Минг Шу начал докладывать обстановку, выглядя вполне официально и деловито.

До полуночи оставалось совсем немного. Пробный салют прекратился, и на площади вдруг повисла редкая тишина — все ждали боя курантов, возвещающего Новый год.

Сяо Юань указал на перила:

— Пойдём туда.

Минг Шу последовал за ним. Когда они остановились, он повернулся, чтобы взглянуть на профиль Сяо Юаня.

Сяо Юань улыбнулся:

— Я тебя зову посмотреть салют, а ты на меня смотришь?

— Брат... — Минг Шу глубоко вдохнул морозный воздух. — Как же это удивительно.

Сяо Юань понял, что он имеет в виду, и тихо ответил:

— Угу.

— Представляешь, — тихо сказал Минг Шу, чувствуя, как в глазах щиплет от подступивших слёз, — с тех пор как я стал полицейским, мы с тобой впервые вместе встречаем Новый год. Это так удивительно... так редко бывает.

Он давно определился с выбором: Сяо Юань — его брат, его первая любовь, его спутник на всю

жизнь. Но в прошлые годы у каждого из них были свои обязанности, важные, не терпящие отлагательств. Встречались они редко. Да, в новогодние праздники почти всегда удавалось пересечься, но вот так, чтобы вместе ждать удара курантов, вместе смотреть салют — такого не было уже очень давно.

Внизу, на площади, люди начали дружно отсчитывать последние секунды. На экране замигали крупные цифры.

— Подсчитаешь с ними? — спросил Сяо Юань.

— Не-а, — отмахнулся Минг Шу. — Я теперь взрослый и солидный мужчина.

В детстве он обожал Новый год. Хотя никогда не мог дотянуть до полуночи, всё равно упрямо просил:

— Братик, обязательно разбуди меня! Я хочу с вами запускать фейерверки!

Однажды Минг Шу заснул уже в девять вечера. Сяо Юань, конечно, пытался разбудить его перед двенадцатью, но так и не смог. Ровно в полночь трое братьев выбежали во двор, начали взрывать петарды, запускать ракеты — было шумно, весело. Но Минг Шу проспал всё. Утром он увидел двор, усыпанный красной мишурой от фейерверков, и расплакался навзрыд. Даже самый несносный из братьев, Сяо Цзиньчэн, пошёл за конфетами, чтобы его утешить.

На следующий год он снова заснул в девять, но в этот раз Сяо Юань всё-таки добился своего — разбудил. Минг Шу сонно приоткрыл глаза, сбился с ритма, но всё-таки присоединился к обратному отсчёту вместе с тремя старшими братьями. Правда, через несколько минут снова уснул — на этот раз в объятиях Сяо Юаня.

Тогда он был маленьким, слабым и упрямым. А теперь — вырос, стал сильным и ответственным мужчиной.

Сяо Юань чуть повернул голову, их взгляды встретились — тёплые и нежные.

В этот момент пробили куранты. Люди радостно закричали, оставляя все неудачи прошлого года позади и с улыбкой встречая наступление нового.

Фейерверки разрывали тёмно-фиолетовое небо, распускаясь огненными цветами. Их отражение застывало в глазах каждого, кто смотрел ввысь.

Минг Шу очень хотел взять Сяо Юаня за руку — так, как в детстве, когда они запускали фейерверки.

Тогда главной заводилой был Сяо Цзиньчэн, а Сяо Мутин таскал связки петард в дальний конец двора. Сяо Цзиньчэн носился туда-сюда, зажигал фитили, устраивал настоящее шоу.

Сяо Юань тоже раньше любил бегать с петардами, но стоило ему побежать, как за ним тут же пускался и маленький Минг Шу. А фейерверки — всё же штука опасная. Минг Шу был самый младший, если вдруг случилось бы что-то — беда.

С тех пор Сяо Юань перестал бегать. Он сидел с Минг Шу на каменной скамейке, держал его за руку и просто смотрел в небо, где вспыхивали огни.

Теперь, спустя годы, им снова удалось вместе встретить Новый год. Жаль только, что обязанности никто не отменял: спереди — тысячи горожан, сзади — коллеги по службе, все на своих постах.

Они были на виду у всех.

Минг Шу прищурился, глядя на фейерверк. Через мгновение его правая рука, сжата в кулак, медленно поднялась.

Он был в чёрных кожаных перчатках. Левой рукой он стянул правую.

Обнажённой рукой он с силой сжал холодные стальные перила. Сжал так крепко, что даже кости на тыльной стороне ладони выступили под кожей.

Сяо Юань опустил взгляд, посмотрел на руку Минг Шу. Уголки его губ мягко приподнялись. Он тоже снял перчатку — с левой руки.

Огромный фейерверк взлетел в небо.

Минг Шу убрал руку с перил.

Гладкий металл хранил след от его прикосновения — расплывчатый отпечаток тёплой ладони.

Температура была слишком низкой, тепло скоро рассеется.

Сяо Юань положил свою руку на это место. Обнял исчезающий след.

Точно так же, как когда-то держал его за руку, переплетая пальцы.